

К дальнейшему укреплению российско-китайского квази-стратегического псевдо-партнерства

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 337
Август 2014

Павел К. Баев
Институт исследований проблем мира, Осло

Стремительно развивающийся украинский кризис превратился в непреодолимую силу, определяющую будущее России, и требует исключительного внимания ее руководства, ведущего игру на предельных ставках. Значительная часть российских элит уже пришла к выводу, что конфронтация с Западом закрыла путь к модернизации, и начинает осознавать непосильность амбициозного курса для стагнирующей экономики. Траектория конфронтации ведет необустроенную страну к катастрофе, но жесткое противостояние с Западом стало условием выживания коррумпированного режима, который созревает до кондиции «Сталин-лайт» под руководством безмерно популярного президента В.В.Путина.

При всей его известной нелюбви к принятию безальтернативных решений, он оказался в положении, где единственной стратегией, позволяющей преодолеть изоляцию и продолжать игру на повышение ставок, является укрепление связей с Китаем. Издержки и риски этой стратегии вынесены за скобки текущего курса – но заслуживают внимания на пару-другую страниц этого анализа.

Ни доверия, ни понимания

Термин «стратегическое партнерство» стал слишком общеупотребительным, чтобы определять новую сущность изменившихся отношений России и Китая. Такое партнерство Путин недавно предлагал темпераментной президентессе Аргентины Кристине Фернандес де Киршнер, что отнюдь не свидетельствует о тесноте связей. Для уникальных в своей неоднозначности российско-китайских отношений известный эксперт Бобо Ло предлагал термин «ось взаимного удобства» (*Axis of convenience*), но слово «ось» подразумевает большую жесткость обязательств, а безысходность заставляет пожертвовать удобствами.

Украинский кризис несомненно наложил глубокий отпечаток на эти резко асимметричные отношения, в которых для России усиливаются элементы зависимости, прикрываемые неискренними уверениями в теплых чувствах. Путин давно шел к новому качеству этого партнерства, но его принципиальной установкой была равноправность. Теперь ее пришлось принести в жертву необходимости, поскольку России приходится доказывать свою полезность в качестве привилегированного партнера и изыскивать способы отблагодарить Китай за каждое неохотное, но остро необходимое проявление поддержки.

Задача построения продвинутого партнерства осложняется невозможностью для Путина выйти на доверительные отношения с китайским руководством. С его точки зрения, китайский способ ротации партийно-государственной верхушки по-видимому равносильна

добровольному обезглавливанию, тогда как для председателя Си Цзиньпина, Путин вполне возможно олицетворяет нездоровый эгоцентризм несменяемого лидера. У китайского руководства есть все основания рассматривать молниеносную аннексию Крыма как спонтанную авантюру, последствия которой не были просчитаны даже на полшага вперед, в результате чего Россия оказалась в крайне опасной конфронтации. В Пекине нет сомнений в том, что теперь у Кремля остался небогатый выбор неоптимальных вариантов, но там предпочли воздержаться от высказывания какого-либо неодобрения такой безответственности. Там внимательно анализируют те самые последствия, которые Москва предпочитает игнорировать, поскольку грубое попрание норм межгосударственных отношений создает для Китая новый простор для маневра в зонах его собственных конфликтов.

Демонстративная готовность Путина бросать вызов американскому «гегемонизму» и разоблачать лицемерие западных ценностей были на руку Китаю, обеспечивая шумовое прикрытие его работы по ревизии норм мировой системы. Термин «ревизионистская держава» (Revisionist Power) было бы полезно шире ввести в оборот российской политической науки для обозначения перестройщиков статус-кво, при этом Россия занимала показушно-ревизионистскую позицию, а Китай проводил аккуратно-ревизионистскую линию. Лучшей иллюстрацией этого различия в подходах остается сирийский кризис, в котором Россия вела непримиримую борьбу против доктрины «гуманитарных интервенций» (и добилась громкого успеха с удачной инициативой), а Китай спокойно укреплял свои позиции в регионе. Аннексия Крыма сделала курс России радикально-ревизионистским, а интервенция в Донбассе – запредельно-ревизионистским, тогда как Китай получил возможность проводить эффективно-ревизионистскую политику.

Благодарность Путину за такую возможность вряд ли является значимым политическим фактором. В Пекине понимают не хуже, чем в Вашингтоне, что российский лидер заигрался и ввязался в конфронтацию, которую у него нет шансов выиграть. Поддержка явно проигрывающей стороны может быть рабочим вариантом для стратегически играющего Китая только на ограниченном отрезке.

Нефтегазовые сюжеты второго плана

Центральным элементом плана Путина по превращению партнерства с Китаем в почти-союз является создание нефтегазовой взаимозависимости, и сделка, подписанная в ходе майского визита в Шанхай является серьезным шагом в этом направлении, хотя назвать ее прорывом было бы большим преувеличением. Показательно в этом плане, что газовый мега-контракт видится в России как геополитический маневр, тогда как в Китае он обсуждается сугубо в экономических параметрах. Для России освоение новых месторождений в Восточной Сибири имеет огромное значение для оживления глубоко депрессивной экономики Дальнего Востока, но для Китая законтрактованные поставки из России не составят и процента в общем энергопотреблении, планируемом на 2025 г. Полезным сравнением является экспорт газа из Туркменистана в Китай, который в этом году достигнет 25 млрд м³, а к 2020 году выйдет на уровень 65 млрд м³, что почти вдвое превышает оптимистическую оценку возможностей Газпрома.

Большие вопросы вызывает реальная осуществимость российских обязательств, и Китай лишен возможности контролировать ход работ (в отличие от сделок с Туркменистаном). Санкции на поставки современных технологий не так сильно ударят по вполне традиционным для Газпрома проектам в Ковыкте и Чаянде, хотя поставки труб большого диаметра могут вновь – как и в 1970х годах – оказаться узким местом. Окончательный

развал проекта Южный Поток, экономический смысл которого всегда был сомнительным, может помочь в переориентации усилий и ресурсов на восток, но сроки исполнения контракта выглядят столь же нереальными, как и расчеты стоимости. Политическая супер-приоритетность китайского проекта отнюдь не снижает его коррупционную составляющую. Китайские компании отлично работают на рынках административной коррупции, даже если борьба с ней ведется самыми свирепыми методами, но корпоративная культура Газпрома построена на совсем другом качестве коррупции. В Китае нет никаких иллюзий относительно эффективности Газпрома и политизации этого бизнеса, которая задает тенденцию дальнейшего роста операционных расходов, поэтому первые поставки газа не ожидаются ранее 2020 года, что находится далеко за обозримым политическим горизонтом.

Суждения о конфиденциальных условиях контракта остаются спекулятивными, но один бесспорный момент часто упускается из вида: Путин добился гораздо лучших базисных параметров, чем он мог реалистически рассчитывать. Разногласия по поводу цен и объемов поставок продолжались больше десяти лет, и Путин прилетел в Шанхай, имея самую слабую переговорную позицию за все это время. Эскалация украинского кризиса превратила эту сделку в вопрос жизненной необходимости, и для китайских «товарищей» уязвимость России перед угрозой международной изоляции отнюдь не была секретом. Тем не менее, Пекин предпочел не использовать эту слабость для дожимания несговорчивого контр-агента. Газпром должен был отказаться от своего излюбленного пункта «бери-или-плати», но получил огромную сумму предоплаты (до 25 млрд долларов) и не отдал китайским компаниям даже символической доли в месторождениях или газопроводе.

Согласившись принять спорную формулу цены, привязанную к нефтяной «корзине», Китай по всей видимости стремился обеспечить хотя бы минимальную прибыльность газового проекта для России, резонно опасаясь, что в противном случае он развалится, невзирая на всю стратегическую супер-важность. Многие эксперты связывают готовность Китая заключить не самую выгодную сделку и с возрастающим стремлением заменять уголь на газ в производстве электроэнергии на Северо-Востоке, превратившемся в зону экологического бедствия. Можно предположить и желание поддержать Путина, движимое совсем не личными симпатиями. Крушение этого сугубо неэффективного, но по факту несменяемого режима может создать набор рисков, аналогичный тому, который удалось нейтрализовать при развале СССР, а уроки этой геополитической катастрофы изучаются в Китае гораздо внимательнее, чем в стране-правопреемнице.

На опасных рифах азиатско-тихоокеанских конфликтов

Самым проблематичным параметром формирующегося российско-китайского квази-союза является неизбежная вовлеченность России в эскалацию геополитической напряженности в Восточной Азии. Движущей силой этой эскалации служит сложное столкновение интересов в многочисленных микро-конфликтах по поводу суверенитета над группами островов, при этом несколько из них резко обострились параллельно с развитием украинского кризиса. Этот факт можно считать случайным совпадением, но не вызывает сомнения активная роль Китая в милитаризации старых споров о принадлежности необитаемых островков, установление контроля над которыми важнее в символическом плане (как утверждение доминантности), нежели в экономическом, поскольку никаких минимально достоверных данных о запасах нефти и газа не существует.

Россия пыталась с одной стороны, соблюдать строгий нейтралитет в эмоционально-заряженных конфликтах о контурах морских границ, а с другой – предъявить силовые

возможности, подтверждающие готовность играть в геополитические игры по азиатским правилам. Можно предположить, что российское руководство целенаправленно спровоцировало обострение сталинско-хрущевского спора с Японией о трех Южно-Курильских островах (и группе скал Хабомаи), чтобы продемонстрировать эту готовность. Вызывающий вояж президента Д.А.Медведева на Кунашир в ноябре 2010 года (равно как и его повторный визит на этот остров в июле 2012 года в должности премьер-министра) имел смысл только в качестве доказательства способности России использовать силу для защиты своих интересов, что должно было укрепить ее роль в региональном балансе сил. Сейчас наличие достаточной силы для таких маневров вызывает серьезные сомнения, тогда как нейтралитет России серьезно скомпрометирован.

Вплоть до внезапной аннексии Крыма, Россия сохраняла свободу политического маневра и выстраивала отношения с Китаем без односторонней зависимости, которая неизбежно ограничивала бы эту свободу. Показательно в этом плане, что прочерчивая стратегические схемы экспорта нефти, Путин настаивал на том, чтобы нефтепровод ВСТО шел не только на Дайцин (хотя Китай готов был закупать весь имеющийся объем на любую перспективу), но был достроен до терминала в Козьмино, невзирая на баснословные перерасходы. Теперь, однако, концепция диверсифицированного экспорта поменялась, и Роснефть будет отправлять максимально возможные объемы нефти китайским партнерам, что превращает Россию в одноадресного поставщика на динамичном восточно-азиатском рынке.

Политическая зависимость России от Китая несравненно выше, чем его доля в объеме планируемого экспорта нефти и газа. Пекину не очень интересны возможные выражение поддержки со стороны Москвы в том или ином территориальном споре. Он может, однако, вежливо (или не очень) предложить Москве свернуть слишком активное военно-техническое сотрудничество с Вьетнамом или порекомендовать воздержаться до поры до времени от участия в проектах по разведке нефтегазовых запасов во вьетнамских территориальных водах. Кремлю будет крайне сложно игнорировать такие намеки или уклоняться от ответа на такие предложения.

Это положение углубляющейся зависимости усугубляется заикленностью российского руководства на противостоянии с США, которые рассматриваются не только как слабеющий гегемон, цепляющийся за остатки своих позиций, но и как спонсор «цветных революций» (которые теперь характеризуются как новая форма войны). Москва воспринимает любой шаг США в Азиатско-Тихоокеанском регионе как враждебное действие, которому необходимо противопоставить контр-ход. Китай, однако, далеко не разделяет такой прямолинейный взгляд на сложные политические комбинации в регионе, и при этом невысоко оценивает реальную способность России противостоять США.

Особое беспокойство в Москве вызывают перспективы уверенного продвижения Китая в Арктику. Давно вынашиваемая и распропагандированная заявка на расширение территориального шельфа так и не подана в соответствующую Комиссию ООН (а теперь с этой заявкой можно и не суетиться), при этом Пекин все активнее использует дискурс «общего достояния» (Global Commons), который для Москвы крайне неблагоприятен, поскольку идея суверенного контроля в него не вписывается. Россия ввела новые правила подачи заявок на пользование Северным морским путем и резко активизировала военную деятельность на Арктическом театре, приоритетом в которой является строительство инфраструктуры, обеспечивающей контроль над восточной частью морских коммуникаций. Осуществимость этой амбициозной и дорогостоящей программы вызывает много сомнений.

Партнерство все более тесное, но все менее надежное

Россия целенаправленно добивалась продвинутого политического и экономического партнерства с укрепляющимся Китаем, но непредвиденно жесткая конфронтация с Западом поставила ее руководство в неустойчивое положение, где ему крайне необходима поддержка соседа, который в целом не склонен к благотворительности. Новая энергетическая сделка заключена на условиях, более выгодных для России, чем она могла надеяться в положении геополитической слабости, но даже эти условия не обеспечивают прибыльности, тогда как зависимость России достигла беспрецедентного уровня.

«Поворот на Восток», который стал серьезно обсуждаться в контексте саммита АТЭС во Владивостоке (в столь далеком сентябре 2012 года), вне всякого сомнения необходим для России, но он требует поступательного наращивания вложений в развитие Дальнего Востока и приоритетного политического внимания к проблемам Азиатско-Тихоокеанского региона. Украинский кризис привел к диаметрально противоположным последствиям: максимум политического внимания сместился на «Западный фронт», который требует и исключительного приоритета в распределении ресурсов. «Восточный поворот» оказался сужен до нефтегазового коридора в Китай, при этом никакого разворота экспортных потоков не происходит и не планируется, вопреки пропагандируемым представлениям. Точно так же и «апгрейд» стратегического сотрудничества с Китаем представляется как срыв западных планов изоляции России. На самом деле, этот квази-союз нисколько не компенсирует возрастающего давления санкций, но создает для России новый набор геополитических рисков, которыми она не в состоянии управлять.

При всей поверхностной сердечности отношений (еще не достигшей впрочем эротизма брежневских поцелуев), Путин не может выстроить уважительно-доверительных контактов с китайским руководством и едва ли отдает себе отчет в их подлинных намерениях. Различия в политической культуре (да и в культурном багаже) усугубляются невозможностью наладить экспорт коррупции на супер-сложный для российских плуто- и клептократов китайский рынок оборота теневых капиталов. Привычный набор коррупционных схем, который надежно подключает путинские элиты к европейской финансовой системе и подпитывает многочисленные группы лоббистов и «агентов влияния», в Китае элементарно не работает.

Давняя и серьезная озабоченность России экспансионистскими амбициями Китая, растущего невероятными темпами и требующего для этого роста все больше сырья и энергии, никуда не исчезла. Она переплетается – а не вытесняется – с беспокойством по поводу активизации военных приготовлений НАТО и со страхом, порождаемым «цветными революциями», которые якобы планируются и манипулируются США. Российским элитам приходится делать вид, что поддержка Китая является свидетельством общности интересов, тогда как мало кто из них верит в эту общность, но зато у многих есть серьезные подозрения, что Китай не преминет воспользоваться тем моментом критической слабости, который последует за крушением прогнившей вертикали путинского режима.

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org